

ОРИЕНТАЛИЗМ В НАРРАТИВЕ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ О НАРОДАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Д.С. Ткаченко

Дмитрий Сергеевич Ткаченко | <http://orcid.org/0000-0002-0675-6111> | tkdmsg@rambler.ru | д.и.н., профессор кафедры истории России | Северо-Кавказский федеральный университет (ул. Пушкина 1, Ставрополь, 355017, Россия)

Ключевые слова

ориентализм, нарратив, адыги, абхазы, абазины, В.Б. Броневский, Ф.Ф. Торнау, кавказская война

Аннотация

В статье рассматривается влияние ориенталистских установок исследователей первой половины XIX в. на отбор ими этнографического материала при составлении описаний народов Северо-Западного Кавказа. На примере творчества историка Донского войска В.Б. Броневского, посетившего Кавказ в ходе частной поездки, и офицера Отдельного кавказского корпуса Ф.Ф. Торнау, отправленного командованием с разведывательной миссией на Черноморское побережье, прослежены основные тенденции развития двух направлений ориентализма — “эстетического” и “официального”. На их примере показан переход от художественных, романтизированных клише о кавказских горах к передаче реальных знаний по этнографии адыгов, абазин и абхазов. В статье использованы как опубликованные мемуарные произведения, так и официальные отчеты, созданные по результатам разведывательных миссий, хранящиеся в Российском военно-историческом архиве и Государственном историческом музее. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на сохранение клише и образов, характерных для общеевропейского ориентализма, эмпирический сбор этнографического материала закладывал основы для становления будущей научной концепции в описании народов, а также их классификации на основе этноязыкового принципа.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-28-00302]

Статья поступила 02.02.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 30.05.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Ткаченко Д.С. Ориентализм в нарративе российских путешественников и военных разведчиков о народах Северо-Западного Кавказа второй четверти XIX в. // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 200–217. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050111> EDN: ARMXLE

Tkachenko, D.S. 2024. Orientalism v narrative rossiiskikh puteshestvennikov i voennykh razvedchikov o narodakh Severo-Zapadnogo Kavkaza vtoroi chetverti XIX v. [Orientalism in the Narratives of Russian Travelers and Intelligence Officers on Peoples of the North-West Caucasus in the Second Half of the 19th Century]. *Этнографическое обозрение* 5: 200–217. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050111> EDN: ARMXLE

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Введенная в научное обращение Эдвардом Саидом концепция ориентализма продолжает вызывать дискуссии при ее применении к истории сбора этнографических данных о народах, населявших окраины европейских империй в XVIII – начале XX в. Эта модель оказалась не только продуктивной, но и провокативной, и породила поток научных публикаций, посвященных критике колониальной науки и политики (см.: *Бобровников* 2007: 319) на примере как европейских колониальных систем, так и окраин Российской империи¹. Изучая региональный материал, исследователи уточняют и детализируют положения Саида, выделяют различные модели западного взгляда на Восток в рамках “официального”, “эстетического”, “фронтирного”, “вложенного” и других форм ориентализма². При этом модель Саида прочно вошла в обиход исторических и этнографических исследований о Востоке, так как она “неплохо отражает некоторые стереотипы колониального мышления XIX – середины XX в.” (*Бобровников* 2003: 133–134).

В рамках данной статьи автор стремится показать только одну грань того явления общественной мысли, которое Саид считает ориентализмом (*Саид* 2021: 19–21), – а именно проследить на примерах составления описаний народов Северо-Западного Кавказа, как имеющийся у исследователя культурный дискурс (набор удобных догм и стереотипов о Востоке) влиял на характер сбора реального этнографического материала и выстраивание нарратива о жителях региона. Другой, не менее важной грани модели ориентализма Саида – влияния собранных европейцами знаний на проводимую ими политику в восточных регионах, мы сознательно не касаемся в рамках данной статьи, так как она уже была рассмотрена ранее³.

В первые десятилетия XIX в. кавказские народы были мало известны жителям центральных губерний России. Показательным примером скудности сведений о них может быть обзор горских народов, помещенный в 1826 г. в журнале “Северный архив” (Краткая записка 1826: 21–31). Раздел “Закубанцы” содержал пеструю мешанину этнонимов, представленных в виде перечня отдельных этнических групп Северо-Западного Кавказа, таких как ногайцы и абазины, а также в виде названий отдельных адыгских племен и обществ. Что касается последних, то автор сообщал некоторые сведения лишь об абадзехах, которые, по его словам, представляли собой “многочисленнейший и сильнейший народ из всех горцев” и отличались “тихостью нравов, спокойной между собой жизнью, крепостью тела и роста” (Там же: 32). Другие адыгские племена были удостоены лишь кратких замечаний или ремарок об отсутствии сведений о них, а сильный племенной союз шапсугов и тем более проживавшие на границах с Абхазией убыхи, садзы и джигеты вообще выпали из авторского реестра.

Фрагментарные сведения содержались и в описаниях, составленных представителями имперской администрации для облегчения управления территориями Кавказа. Так, в наиболее полной на первые десятилетия XIX в. работе командующего Кавказской линией, генерала И.Ф. Дебу, описывавшей народы в приграничье, “Закубанским племенам” отводилось всего четыре страницы. И.Ф. Дебу располагал сведениями только о тех из них, которые вступали в прямой контакт с российскими властями, и даже не мог точно определить, принадлежат ли упоминаемые им этнонимы названиям племен или отдельных обществ. Кроме того, сведения о предполагаемой численности, территории проживания и отрывки легенд из этнической истории исчерпывали весь объем этнографических знаний имперских властей даже о своих ближайших соседях (*Дебу* 1829: 134–137).

Все адыгские племена были известны в России под собирательным названием *черкесы*, о происхождении которого имперские авторы терялись в догадках. Так, в середине XIX в. К.Ф. Сталь в своем знаменитом этнографическом очерке считал этот этноним производным от татарского термина “*чер-кес* (пересекающий дороги, грабитель) или от р. Черка, где черкесский народ в своих переселениях впервые столкнулся с осетинами и сделался известным сим последним” (Сталь 1900: 64–65). Существовали и иные трактовки этого термина, а общественное сознание первой половины XIX в. часто использовало слово “черкес” как собирательное понятие – синоним для обозначения “кавказского горца”. Образ черкесов в описаниях путешественников, посетивших Кавказ, также представлялся не в контексте этнографических данных об этом этносе, а в парадигме удобных для обывателя штампов. Романтизация образа горцев или ориенталистские клише, таким образом, заполняли пробелы в реальных знаниях.

Творчество В.Б. Броневского как проявление “эстетического ориентализма” в этнографических описаниях жителей Кавказа

Одним из типичных этнокультурных описаний, использовавших весь набор стереотипов, стало творчество историка Донского войска Владимира Брониславовича Броневского, который в 1831 г. посетил Кавказские минеральные воды как частный путешественник. Автор оставил яркие описания не только Пятигорска и методов лечения на водах, но и кавказских населенных пунктов, а также людей, живших в регионе.

Прежде всего в тексте автора прослеживается чувство страха попасть в плен к черкесам. Образ пугающего Востока, который, по словам В.О. Бобровникова, “в кривом зеркале ориентализма” не просто противостоит Западу, но и готов его поглотить, трансформировался у Броневского в идею постоянной опасности, грозящей всем попавшим на Кавказ европейцам (Бобровников 2007: 319). Страх автора придал особую живость описаниям черкесов, которые представлены как “полу-воры, полу-герои”. Они статны, развязны и шеголевато одеваются, а “промышляя воровством, не либеральничают...” (Броневский 1834: 82). В ходе своего пребывания на Кавказских минеральных водах Броневский не сталкивался с реальными черкесами, но добросовестно передал читателям целый набор представлений, усвоенный им из атмосферы, царившей в русском “водяном обществе”.

Как и многие люди своего времени, Броневский был уверен, что между образованными европейцами и туземными жителями предгорий лежит пропасть, а все в укладе местных жителей – в их нравах, правлении, образе жизни, языке и вере – пребывает в состоянии беспорядка (Там же). Данная установка была типична для европейского ориентализма (Caud 2021: 74), а авторы, представлявшие это направление, стремились через свои описания “создать некий порядок, свести на нет пугающий хаос, который они воспринимали в чужих землях” (Jersild 2002: 5).

Эту же задачу должны были выполнять и описания Броневского, который в яркой форме предлагал читателям ознакомиться с набором полезных сведений о жителях Кавказа. При этом знания о черкесах передавались им в виде пестрой смеси реальных данных с романтическими домыслами и были жестко структурированы ориенталистским дискурсом.

Автором подчеркивалась основная идея Кавказской версии ориентализма – тезис о “врожденном хищничестве” горцев (Бобровников 2007: 313). Броневский

не только детально описывал организацию набегов, но и с восхищением отзвывался о военизированном укладе горцев, который был выработан всем их образом жизни. Он говорил о непревзойденном умении черкесов владеть оружием и управляться с лошадьми; печально сравнивал горцев с неуклюжими донскими казаками, которые, выехав против грациозного противника на своей “пахотной лошадке”, только и могут, что несколько раз “пальнуть невпопад” по ускользающему “закубанскому рыцарю” (*Броневский* 1834: 23–24).

В работе Броневского легко проследить и другой расхожий тезис Кавказского ориентализма – образ “благородного дикаря” (см.: *Бобровников* 2007: 312–313). Он передавался не только через описание внешности, одежды и поведения черкесов, но и через романтическое обожание моральных качеств горцев. Они хоть и были, по словам Броневского, “полу-диким народом”, но сохраняли в поведении “противоречия, оскорбляющие ум и нравящиеся сердцу”: их коварство сочеталось с верностью в дружбе, жадность – с умением переносить невзгоды, злоба по отношению к врагу – с кротостью в быту (*Броневский* 1834: 82, 85).

Одновременно, описывая быт черкесов, Броневский вспоминал типичные ориенталистские стереотипы о Востоке: тезис об “азиатской лени” (см.: *Саид* 2021: 68) вылился в его работе в рассказ о нежелании черкесских мужчин заниматься чем-то иным, кроме войны и охоты (*Броневский* 1834: 87). Автор не забыл упомянуть о красоте черкесских женщин, которую местные жители, однако, не ценят, заставляя своих жен выполнять все домашние хозяйственные обязанности: выступать как “портные, ткачи, швеи, тесемщицы. Немногие из мужчин занимаются ружейным, седельным и сапожным ремеслом, а для предметов роскоши есть только серебряного дела мастера”, – писал он (Там же).

Образ “отсталого другого” и противопоставление между “нами” – европейцами и “ними” – жителями Востока, проходили через все описания черкесов. Автор отмечал, что даже черкесские князья живут по столь низким жизненным стандартам, что “зажиточный наш крестьянин, конечно, не согласится быть черкесским князем несмотря на то, что в сем звании можно воровать и обижать соседа безнаказанно...” (Там же: 86).

В соответствии с устоявшимся ориенталистским нарративом своего времени, Броневский экстраполировал на современных ему черкесов социальный опыт древних народов. Используя концепцию “обратного прогресса”, который, по мнению ориенталистов, был присущ всем восточным обществам (*Nash* 2016: 113), он сравнивал черкесов со спартанцами (*Броневский* 1834: 89), а также советовал читателю обратиться к древнерусским летописям о половцах или печенегах, чтобы осознать “то же невежество, то же свирепство и ту же грубость во нравах”, что была, по его словам, присуща современным жителям Кавказа (Там же: 82). Он писал, что прошедшие века только отточили военные навыки горцев, но не изменили тот глубинный культурный код, который определял сущность соседей “предков наших, живших в IX столетии” (Там же). Во взгляде Броневского на черкесов повторялся известный образ европейских ориенталистов, сравнивающих путешественника на Востоке с человеком, который, войдя в “реку времени” и двигаясь против течения, начинает дышать тем же воздухом, которым дышали его далекие предки в древности (*Nash* 2016: 114).

Как и другие авторы, исходившие из ориенталистских клише при построении описаний восточных народов, Броневский делал выводы о стагнации туземного общества, бытовые и нравственные черты которого представляли “ту

горькую смесь, которая в течение десяти протекших веков не могла перебраться, измениться и хоть сколько-нибудь улучшиться” (*Броневский* 1834: 85).

Идея о неспособности восточного общества к самостоятельным изменениям диктовала Броневскому и типичный для европейских колониальных нарративов политический вывод о моральном долге имперского государства установить на этой дальней окраине внешнее управление. Только оно, по словам автора, будет способно просветить черкесов “и, исхитив их из дикого состояния, сделать людьми” (Там же: 82).

Таким образом, на примере описаний Броневского можно четко проследить, как общеевропейский ориенталистский дискурс, разделяемый автором, влиял на отбор того материала, который должен был формировать у его читателя “объективное” представление о народах Кавказа. Само же творчество Броневского может быть одним из примеров позитивного применения модели Саида к анализу проблемы производства знаний о регионе европейски мыслящими писателями. Читая труды этих писателей, мы видим не только набор расхожих историко-культурных и политико-идеологических сюжетов XIX в., но и то, что само производство знаний о неевропейских народах было организовано в рамках четкой европоцентристской парадигмы. Подобно тому, как европейские писатели, политики и этнографы в своих произведениях говорили от лица “безмолвствующего большинства” Восточных народов на том основании, что они считали, что знают их культуру и понимают, что для туземцев хорошо, а что плохо (*Саид* 2021: 66), действовал и Броневский, говоря о черкесах. Он даже не задумывался над тем, что передает все свои обобщения, так и не вступив в контакт с реальными черкесами в их природном, социальном и бытовом окружении.

Автор был убежден в объективности созданного им образа Кавказа и его народов, что в свою очередь придавало и его произведению убедительность. Однако сведения о Кавказе выступали в нем как фон для описаний тех чувств, переживаний и мыслей, которые вынес с Кавказа писатель: себя, а не местных жителей он ставил в центр повествования. Рассчитанное на читателя из центральных губерний России, творчество Броневского вызывало интерес среди читающей о Кавказе широкой русскоязычной аудитории, но все же оно транслировало не этнографические знания, а лишь устоявшиеся политико-культурные убеждения, и в силу этого в дальнейшем ни российские этнографы, ни военная администрация региона к этому творчеству не обращались.

“Официальный ориентализм” в справках Ф.Ф. Торнау

В конце 1820-х годов, в связи с проектами И.Ф. Паскевича о переносе военных действий на Северо-Западный Кавказ и практикой сменившего его Г.В. Розена, началась полоса так называемого военно-разведывательного изучения региона, в ходе которого активизировался сбор сведений о проживавших здесь народах (*Ткаченко, Колосовская* 2011: 162–205). Сбор информации должны были осуществлять подготовленные офицеры, которых отбирало командование Кавказского корпуса в лице как высших командующих, так и их первых помощников — обер-квартирмейстера Х.Х. Ховена и начальника штаба — В.Д. Вольховского.

Военную разведку российские офицеры могли вести только скрытно, так как горцы крайне негативно относились к подобной практике. Они старались не допустить на свою территорию противника, выследить и уничтожить пробравшихся

к ним разведчиков. О своих приключениях на Закубанской *terra incognita* писали в мемуарах редкие счастливицы, которым удалось вернуться из опасной миссии, — такие, как Г.В. Новицкий. Он вскользь замечает, что остался единственным выжившим из тех четырех офицеров, которых И.Ф. Паскевич в 1829 г. отобрал для разведки различных участков Северо-Западного Кавказа (*Новицкий* 1871: 292).

Не менее трагично закончилась и авантюра Г.В. Розена, который в 1834 г. для получения информации о топографии Черноморского побережья и племенного состава его населения решил направить в разведку одного из ссыльных польских студентов, переодетого горцем. Помимо сведений военно-стратегического характера этот человек, пройдя от Гагр до Геленджика и обратно, должен был собирать и этнографические сведения “о народах..., свойствах их характера, обычаях и их к нам расположении” (ГИМ. Л. 50—50об). О дальнейшей судьбе разведчика в бумагах корпусного командира не сохранилось никаких сведений, что косвенно свидетельствует о провале затеянной миссии.

Общий тон предписаний Г.В. Розена о посылке разведчика командующему российской группировкой войск в Абхазии показывает полное незнание командованием ни условий Закубанья, ни настроения жителей Востока по отношению к европейцам. Еще английский офицер Артур Коноли, посланный в 1829 г. собирать сведения о населении на Юго-Восточном побережье Каспийского моря, предостерегал своих коллег-разведчиков о трудностях, с которыми столкнется любой из них, пытаясь, переодевшись в туземную одежду, выдавать себя за местного жителя. Он отмечал, что

...европеец вряд ли может надеяться избежать разоблачения, ведь даже если он и будет знаком со всеми образами идиом туземного языка, его стиль разговаривать, манеры сидеть, ходить и ездить верхом, короче, весь его облик отличаются от азиата, а само по себе усилие, которое он прилагает, чтобы себя не выдать, дает дополнительный повод для того, чтобы его сразу заметили (*Conolly* 1838: 168).

При этом, несмотря на трудности военной разведки, материалы тех людей, чья миссия завершилась успешно, стали ярким источником, описывающим этнографические реалии тех территорий, где велась их исследовательская работа. Одним из наиболее ярких российских разведчиков был Федор Федорович Торнау, совершивший в первой половине 1830-х годов три экспедиции в Закубанье и на Черноморское побережье.

Осуществленный в ходе первой экспедиции Торнау переход из Абхазии через Главный Кавказский хребет к истокам Кубани принес российским военным властям существенное уточнение этнографических данных о характере населения так называемой Абадзы — земель, лежащих на Западном и Центральном Кавказе. О скудности сведений, имевшихся в то время в штабе Кавказского корпуса об этом регионе, свидетельствует ведомость народов, составленная В.Д. Вольховским. В примечании к ней начальник штаба Кавказского корпуса сообщал, что данные о “непокорных” племенах, полученные через расспросы местных жителей, очень туманны (РГВИА 4. Л. 66). Он, например, указывал, что убыхи Саше и Ардона “также имеют названия Джикетов, Пшаовов, Ясхипсов, Иналькупов, Свадзов, Артаковцев и Маржавов” и не ручался за подлинность не только цифр, но даже самих этнонимов (Там же. Л. 68об).

Торнау отмечал, что, пройдя по местам, где до него еще не ступала нога европейца, он был вынужден стереть со штабной карты имена многих несуществующих народов, которые появились благодаря ошибкам древних авторов или искажениям туземных терминов. В качестве примера он приводил название “аланеты”, присутствовавшее как на военной карте, так и в реестре Вольховского (Там же. Л. 69об). Этого племени разведчик “нигде не мог отыскать или, вернее сказать, находил повсюду, потому что аланет на мингрельском языке значит горец” (Торнау 2002: 267). Торнау не только ставил под сомнение применимость сведений античных авторов о регионе в условиях этнополитических реалий XIX в., но и интуитивным путем приходил к этнолингвистической классификации народов Северо-Западного Кавказа, очень близкой к современной, предлагая выделить на территории Закубанья три этноязыковые группы: абазин, черкесов и татар. “Они не понимают друг друга; между тем, как наречия, образовавшиеся из одного коренного языка, всегда сходны с ним”, — писал автор (Там же).

В ходе выполнения своих разведывательных миссий Торнау составил обстоятельные отчеты, представленные им обер-квартирмейстеру Кавказского корпуса Х.Х. Ховену и командующему корпусом Г.В. Розену. Из них наиболее интересны обстоятельное описание части восточного берега Черного моря между реками Бзыбь и Саше (РГВИА 2), а также краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, между устьями рек Кубань и Ингур (РГВИА 3). Первый документ был составлен как отчет о второй экспедиции Торнау, организованной командованием в 1835 г. для разведки дорог в Закубанье, а второй стал своеобразным обобщением знаний о противнике, которые разведчик вынес из пребывания в плену у горцев в 1836–1838 гг. В плен он попал после провала третьей экспедиции, детально описанной автором в своем “журнале плена” (РГВИА 1. Л. 14–22) и в более поздних мемуарах, составленных уже в преклонном возрасте (Торнау 1864).

Народы Закубанья и Черноморского побережья разведчик предложил разделить на три этнические группы: абазин, проживавших от р. Ингура до Саше; черкесов, живших на землях между Кубанью и Главным Кавказским хребтом, а также от Анапы до Саше, и “ногайских татар”, живших вдоль Кубани. Кроме этих народов, Торнау говорил о существовании на Северо-Западном Кавказе тюркоговорящих карачаевцев, чегемцев, балкарцев и урусбиевцев, которых он считал бежавшими в горы ногайцами, а также особого народа — убыхов, говорившего на собственном языке (РГВИА 3. Л. 1).

За исключением языковых и отчасти религиозных, Торнау не видел существенных различий между этими тремя группами народов и считал всех горцев схожими по характеру, обычаям, образу жизни, одежде и вооружению, которые сохранялись неизменными на протяжении столетий. “Соседство Турок или Русских, степень самостоятельности, выгоды и невыгоды заселяемых ими земель, и другие обстоятельства, хотя и имели некоторое влияние на быт и на понятия разных горских племен, но не лишили их помянутого общего сходства”, — считал разведчик (Там же. Л. 1об–2).

Подобно Броневскому, Торнау, описывая жителей Северо-Западного Кавказа, сохранил в оценочных суждениях некоторые расхожие европейские колониальные штампы. Он говорит о замкнутости (“дикости”) традиционалистских обществ (Там же. Л. 5об), на которую не смогло повлиять даже соседство с более развитыми народами (Там же. Л. 1об); считает горцев крайне ненадежными со-

юзниками, так как “врожденная страсть к хищничеству и бедность, побуждает их к воровству” (Там же. Л. 4об); говорит о религиозном “фанатизме” и страсти к набегам (“молодчестве”) как об основных пороках, мешающих черкесам заниматься мирной жизнью (Там же. Л. 8об).

В целом из-под пера автора выходил известный ориенталистский образ “примитивного другого”: Торнау считал горцев не равными европейцам и неспособными “по грубости понятий” самостоятельно подняться над присущими традиционалистским обществам пороками (Там же. Л. 9–9об).

Как и многие ориенталисты XIX в., Торнау искал причины стагнации горских обществ в Исламе, считая эту религию корнем всех бед. Так, комментируя позднее причины распространения мюридизма, он отмечал, что горцы присоединились к призывам имамов, так как они не могли не пойти “за таким учителем, который по пути грабежа и беспощадного мщения вел к вратам рая каждого правоверного, посвятившего себя на истребление гяуров” (Торнау 2002: 236). Пагубное влияние на горцев Ислама не вызывало сомнения у разведчика, который, демонизируя в своем нарративе противника, давал тем самым прочное идеологическое обоснование силовым действиям имперских властей на Кавказе.

В связи с подобной установкой разведчик в своих справках обращал пристальное внимание на степень исламизации тех обществ, с которыми он сталкивался. Так, если о части шапсугов и жителей Дударуковского аула, расположенного в верховьях Кубани напротив Баталпашинской станицы, Торнау отзывался как о “ревностных магометанах” (РГВИА 3. Л. 7), то среди абазин, по словам исследователя, только князья и уздени исповедовали Ислам и “весьма слабо” придерживались правил и обрядов этой религии, а простой народ был “полон суеверия и предрассудков, обнаруживающих схожесть магометанства с идолослужением” (Там же. Л. 4).

Нарратив Торнау в целом укладывался в рамки общих ориенталистских стереотипов, противопоставлявших восточные окраины мира, населенные отсталыми туземцами, европейской культуре метрополии. Разведчик, перенесший личную трагедию пребывания в двухгодичном плену, даже углублял эту пропасть, подчеркивая, что у кавказских туземцев есть специфичный по сравнению с другими восточными цивилизациями недостаток – страсть к “хищничеству”.

Эту черту он считал не просто вредным народным обычаем, а врожденным пороком, который было невозможно искоренить даже среди мирных горцев. “Многие молодые люди из числа покорных Черкесов, в обретении блаженства будущей жизни, в удовлетворении страсти к хищничеству... бросая семью и имущество, уходят в Абреки”, – писал он, предлагая имперским властям занять бескомпромиссную позицию (Там же. Л. 9об). В своих донесениях Торнау часто подчеркивал, что, прощая прошлые преступления в случае изъявления горцами раскаяния и лояльности, военная администрация Кавказа добивается не верности имперскому правительству, а только поощряет врожденную страсть к “хищничеству” – порождает чувство безнаказанности и надежды избежать наказания, принеся формальную присягу. “Две трети Абреков в настоящее время, обеспокаивающие своими набегами Кавказскую линию, никогда бы не решились оставить свою семью и имущество, когда бы не имели надежду по изъявлении покорности, получить полное прощение”, – писал он (РГВИА 1. Л. 32). В выводах Торнау, сделанных им из собранного этнографического материала, четко прослеживаются те ориенталистские мифологемы, на которые, по справедливой оценке В.О. Бо-

бровникова, опирался весь имперский нарратив о Кавказской войне (*Бобровников* 2003: 136–139). Они хорошо укладываются в русло того направления, которое ряд исследователей характеризует как “официальный ориентализм”.

Вместе с тем стереотипы и тенденциозные оценочные суждения в тексте аналитических справок Торнау не превалируют над теми этнографическими данными, которые он приводит о людях, встреченных им в Закубанье. Торнау стал одним из первых европейцев, которым удалось проникнуть в отдельные общества абхазов, абазин, адыгов и описать их. Разведчик не был знаком с практикой составления этнографических описаний, сложившейся в Российской академии наук на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием традиций немецких краеведческих народоописаний, однако он должен был четко следовать инструкции, составленной в 1833 г. генерал-квартирмейстером Главного штаба А.И. Нейдгартом по описанию земель и народов на потенциальном театре военных действий (НИОР РГБ). Обзоры Торнау укладывались в основные параметры этой инструкции и в области составления топографических описаний земель (НИОР РГБ. 460б–58), и по части требований освещения сильных и слабых сторон их жителей. Для раскрытия последних Главный штаб считал достаточным остановиться лишь на системе управления, народных богатствах, обычаях и нравах населения (Там же. 58–59об). Именно эти разделы и видны в отчетах разведчика о Закубанье и его жителях.

Из известных командованию 16 адыгских племен (РГВИА 4. Л. 680б–69) Торнау в своих справках выделил 7, остановившись детально на описании одних только абадзехов (РГВИА 3. Л.120б–160б). Среди них он побывал в плену с сентября 1836 по ноябрь 1838 г. (РГВИА 1. Л. 5). Исходя из личных наблюдений, офицер оценивал численность этого племени в 20 тыс. мужчин (РГВИА 3. Л. 160б), существенно сократив ранее предполагавшееся количество в 160 тыс. человек (Там же. Л. 680б). Разведчик привел сведения о расселении, социальном устройстве, хозяйстве и быте этого племени, а в разделе о нравах записал отдельные адаты.

Несмотря на принадлежность абадзехов к так называемым демократическим обществам, не признававшим над собой княжеской власти, адаты этого племени ярко свидетельствовали о растущем социальном неравенстве. В доказательство существования знати среди горцев этого племени Торнау приводит адат, требовавший от виновного возвратить дворянину ущерб в двойном размере, “так, что если пять человек похитили корову, то истец получает свою корову и еще 10 коров пенью” (Там же. Л. 14). При этом, приводя описание норм обычного права, разведчик построил свой нарратив в рамках тезиса о “врожденном хищничестве”, отмечая, что даже суровые наказания не могут его умерить, а абадзехи “беспрерывно похищают друг у друга скотину, часто и людей. <...> Когда покража открыта, они часто предпочитают взысканию суда, вражду и лишения, имеющую обыкновенным последствием убиение похитителя” (Там же. Л. 15).

Образ “примитивного другого”, переживающего ту стадию развития человеческого общества, которую более развитые народы прошли в Средневековье, подчеркивали все приводимые разведчиком адаты абадзехов.

В целом из описания адыгских племен Торнау выводил некую градацию отсталости. Самыми развитыми разведчику представлялись те общества, которые проживали на Черноморском побережье и имели контакты с турками, или аристократические общества, вступившие в сношения с российским правительством вблизи Кубани. За ними шли общины, проживавшие вдали от Линии на плоскости, а чем глубже в горах располагалось общество, даже принадлежа-

щее к тому же племени, что и жители побережья или равнин, тем более отсталым оно представлялось для Торнау. Тех же абадзехов он считал необходимым разделить “по достатку и по понятиям общежития... на живущих по течению рек и на лесных и горных; первые живут селениями более достаточными и не так дики и хищны, как последние” (Там же. Л. 15–15об).

О соседних с абадзехами племенах, о которых разведчик знал только по слухам, он приводил более скудные сведения. Из всей требовавшейся информации он сосредоточил внимание на подсчете численности мужского населения и именах влиятельных лиц. Разведчик отмечал общее сходство всех “демократических” племен с абадзехами в жизненном и политическом укладе, добавив к их характеристикам только отдельные детали. Например, исследователь писал, что часть Шапсугов в своем хозяйстве “держат ненавистное Магометанам животное – свинью, не запирают женщин и продолжают чтить леса, животных и тому подобное” (Там же. Л. 12об).

Скуднее всех в справках были описаны убыхи, проживавшие между реками Саше и Шахе. Разведчик, не вступавший в контакты с ними, сообщал только то, что эта этническая группа говорила на собственном языке, не схожем ни с черкесским, ни с абхазским, славилась между своими соседями как неустрашимые воины и сохраняла в верованиях остатки христианской религии (Там же. Л. 16об–17).

Разведчик уточнил сведения не только об адыгах, но и о других народах Закубанья. Он, например, выяснил, что садзы, проживавшие между реками Бзыбь и Соче, принадлежат к абазинам, а не к адыгам, как это ранее считало военное командование (РГИА 4. Л. 68об). Их союз состоял из нескольких отдельных обществ, а все они, совместно с другими племенами абазин, входили в состав так называемой Абадзы – территории, расположенной от границ Абхазии по склонам Главного Кавказского хребта до Кубани. Жителей этой земли Торнау считал родственными не адыгам, а абхазам на том основании, что они говорят “с ними одним и тем же языком без всякого приметного изменения” (РГВИА 2. Л. 3об).

Инструкция А.И. Нейдгарта о том, на что обратить внимание при составлении описаний характера жителей потенциального театра военных действий, была довольно расплывчата, и в силу этого военного разведчика, выполнявшего задание командования, из всех этнографических сведений интересовали не столько данные о повседневной жизни, быте и культуре неведомых племен, сколько качества местных жителей, которые могли облегчить или, наоборот, помешать империи их покорить. Неудивительно, что свои наблюдения на территории Абхазии и Абазы исследователь свел к описанию военного потенциала вероятного противника.

Большое внимание разведчик уделил подсчету населения в так называемых немирных обществах. Отмечая, что на Черноморском берегу пространство заселено “повсюду, где только местность представила малейшие удобства для жизни”, он тем не менее указывал, что исследователю очень трудно точно определить количество жителей, так как отдельные хутора горцев разбросаны по предгорьям, долинам и устьям рек (Там же. Л. 1–1об). Разведчик справедливо говорил о неприменимости общепринятых статистических практик к подсчету горцев, уточняя, что для человека, мыслящего европейскими категориями, всегда кажется, что местность более многолюдна, чем она есть на самом деле (Там же). Однако, критикуя европейские практики статистического подсчета, он сам предлагал использовать подход, типичный для колониальных держав первой половины XIX в.

Взяв за основу немецкую теорию “хинтерленда”⁴, Торнау применил ее к расчетам пространства Абхазии и Абазы. Разведчик предложил для определения их границ провести от линии Черноморского побережья вглубь земли два условных луча (по рекам Бзыбь и Саше), а затем по естественным ориентирам (горам, рекам или границам других политических образований) замкнуть периметр оцениваемой территории. Морское побережье, по словам Торнау, составляет 82 кв. мили, что в проекции на континент даст примерно 4000 кв. верст. Он считал, что, исходя из естественного плодородия, эта территория могла прокормить не более 2300 семейств. А так как в семьях помимо боеспособных мужчин всегда есть женщины, дети и старики, то офицер оценивал примерно в 11,3 тыс. человек численность жителей, способных к сопротивлению (Там же. Л. 10б). Таким образом, он существенно снизил цифру предварительных расчетов горцев, которой на начало 1830-х годов располагало военное командование, оценивавшее население Абазы в 109 тыс. и Абхазии в 44, 5 тыс. человек (РГВИА 4. Л. 69об, 74об).

По сведениям Торнау, в хинтерленде участка побережья от Бзыба до Саше располагалось два крупных образования: Абхазия и Абаза, описания которых были представлены разведчиком в ходе его первой экспедиции. Торнау не считал Абхазию и Абазу отдельными этнополитическими территориями, не проводил четкой границы между ними, а локализовал на этой земле 14 различных этнонимов. В его описании округа Абхазии соседствовали с отдельными племенами, союзами общин и просто крупными селениями. Пестроту добавляло и разнообразие политического управления: округа Абхазии, состоявшие под управлением владетеля “из древнего рода Ачь (Шарвашидзе)” (РГВИА 2. Л. 10б), находились в одном списке с селениями, имевшими собственных князей, первостепенных узденей, платящих дань соседним владетелям, или “не подчиняющихся никакой власти” (Там же. Л. 5).

При составлении их описаний Торнау пытался дать ответ на один из основных вопросов, традиционно волновавших имперские власти: установить личности князей, владельцев или влиятельных людей, контролируя которых можно было оказывать давление на все туземное сообщество. Исходя из этой имперской установки, Торнау тщательно перечислял все влиятельные фамилии в описываемых им обществах абхазов, абазин и черкесов. Этими сведениями, вместе с указанием территории проживания и численности того или иного небольшого общества, часто и ограничивались приводимые о нем данные (Там же).

Разведчик также попытался уточнить этническую принадлежность жителей всех населенных пунктов внутри обозначенного им хинтерленда, исправляя ошибки, допущенные до него другими авторами. Так, офицер говорил о том, что племенной союз Саше, проживающий в районе р. Сочи и насчитывающий около 450 семейств, состоит “частью из Абазин, частью Убыхов и небольшого числа Турок” (Там же. Л. 6). Занимающие соседнюю с ним территорию “жители обществ Чужи и Чуа, живущие между собой дружелюбно, называют себя Абадзегга, но принимают и название Садзов, принадлежащее собственно жителям прибрежным из племени Абазы”, — пишет он (Там же).

Общество садзов, по словам разведчика, проживало в суровых природных условиях, но хоть и не имело конницы из-за отсутствия пастбищ, могло доставить неприятности имперским властям при попытке их покорить. Привычки жить в гористой местности, покрытой лесами, “сделали из них пеших воинов и хороших стрелков, особенно отличаются собою Медовеевцы, в чем им должно

отдать полную справедливость, как и в неутомимости, с которой делают по горам пешие переходы” (Там же. Л. 3об).

Разведчик отмечает противоречия, которые часто приводили к межплеменным столкновениям между обществами садзов и соседних с ними адыгов. Торнау пишет о вражде черкесов с одним из обществ садзов – медовеевцами, которые часто переходят через Кавказский хребет и устраивают набеги на селения абадзехов, расположенные в верховьях Урупа, Лабы, Ходоза и Белой речки. Медовеевцы захватывают у черкесов людей и скот, а затем укрываются в своих неприступных горах, куда их противники только один-единственный раз смогли устроить ответный набег (Там же. Л. 4).

Восхищаясь военными навыками непокорного племени, Торнау вместе с тем считал их стоящими в развитии ниже, чем прибрежные абхазы и черкесы. Он отмечал, что садзы используют исключительно партизанскую тактику ведения войны, объясняя ее природным характером жителей высокогорий – тем, что они “более воры, чем хищники и вместо храбрости противопоставляют противнику хитрость и вероломство, в которых приобрели против Черкесов или Адыге большой навык” (Там же. Л. 3об).

Торнау подчеркивал, что помимо военных навыков садзы обладают и всеми присущими примитивным народам добродетелями, а также строго соблюдают обычай гостеприимства. Это, однако, по мнению разведчика, свидетельствовало не столько о достоинствах отдаленного племени, сколько о его замкнутости и противодействии культурному влиянию даже со стороны единоверных турок, с которыми часть обществ садзов вступила в контакт на Черноморском побережье (Там же. Л. 4). В других своих чертах садзы, по оценке офицера, не отличались от абазин ни своим антропологическим типом, ни одеждой или вооружением, ни образом жизни или обычаями (Там же. Л. 3об).

Образ “примитивного другого” виден и при описании хозяйственного уклада садзов. Несмотря на то что Торнау наблюдал, что жители практикуют хлебопашество, скотоводство и пчеловодство, выращивают кукурузу, гоми, пшеницу и овес, а в отдельных местах даже культивируют табак (Там же. Л. 4), он не смог в своих оценочных суждениях уйти от расхожих колониальных штампов своего времени, повествующих о ленивых туземцах, беззаботно живущих за счет благодатного климата (*Deary* 2002: 11). Это делает записки Торнау внутренне противоречивыми. Так, с одной стороны, описывая садзов, он говорит о том, что “необходимость пропитания заставила их обратить внимание на хлебопашество и заняться им с тщанием” (РГВИА 2. Л. 4), а с другой – подчеркивает, что в теплом климате “природа сама заботится о снабжении их плодами всякого роду”, что исключает необходимость обращения садзов к производящему хозяйству (Там же. Л. 4). Отсталость племени Торнау доказывал и фактом отсутствия у местных жителей развитых ремесел. Он указывал на чрезвычайную грубость и непрочность их домотканой продукции, отсталость в отделке оружия и незнание даже тех промыслов, которыми традиционно занимались все другие горские общества на северной стороне Кавказского хребта (Там же. Л. 4об).

В общем и целом описание хозяйственного уклада горских сообществ подводило читателя к мысли об отсталости горцев по сравнению с жителями Российского Кавказа. Торнау считал, что, подобно тому как садзы отстали от соседних племен, живущих на равнине, все жители Абазы отстали от европейцев, так как они не имели понятия о добыче и обработке полезных ископаемых (Там же. Л.

Зоб). Вывод о неспособности горцев самостоятельно преодолеть отсталость и необходимость для этого установить над жителями предгорий внешнее имперское правление сами собою вытекали из подобных рассуждений разведчика.

Характер замечаний офицера также показывает, что российских военных в первой половине XIX в. волновали не столько этнические черты многочисленных местных сообществ, сколько вопросы военно-политического характера: на чьей стороне выступит та или иная группа людей или какое количество вооруженных жителей она сможет выставить при возможном столкновении имперских властей с ней (King 2008: 101). В связи с этим военная информация в справках Торнау превалировала над этнографическими деталями, а привычные колониальные штампы, как и у Броневского, продолжали замещать реальные данные, когда исследователь подходил к пределам собственных знаний об описываемых им народах. “Причины упорства их – религиозный фанатизм, дикость и страсть к хищничеству, которой покорившись, не найдут удовлетворения”, – делал автор общий вывод о причинах сопротивления народов Северо-Западного Кавказа имперским властям (РГВИА 2. Л. 17).

Несмотря на явную колониальную риторику нарратива Торнау, приближающую его выводы к рассуждениям Броневского, в справках о народах Северо-Западного Кавказа отсутствуют мотивы романтизации местных жителей. Разведчику, побывавшему в плену у горцев, жители Кавказа представлялись не в образе “благородного дикаря”, а в образе “отсталых других”: они, несомненно, представляли опасность для жителей российской части Кавказа и в силу этого должны были быть тщательно изучены. Этот настрой детерминировал желание исследователя сконцентрировать свое повествование на передаче реальных знаний о горцах в противовес романтическим домыслам. Такие домыслы вызывали у Торнау раздражение и язвительные замечания о некомпетентности тех далеких от Кавказа представителей высшего света, которые пытались на приеме в Петербурге выпросить у бывшего пленника описания прекрасных черкешенок, благородных разбойников или задавали наивные вопросы, можно ли взорвать Кавказские горы порохом (Торнау 2002: 432).

Следует отметить, что аналитическая работа Торнау не осталась исключительным достоянием имперских штабных военных, а часть материала, не имевшего прямого военно-стратегического значения, была в начале 1850-х годов опубликована в Кавказской периодической печати и через нее стала известна и читающей о Кавказе широкой русскоязычной аудитории. Так, газета “Кавказ” в 1850 г. в статье “Горские племена за Кубанью” привела выдержки из одного обзора Торнау, правда, без указания авторства (Кавказ 1850).

Определенную роль в дальнейшей популяризации сведений разведчика, возможно, сыграло благоволение к нему со стороны Николая I и общественный интерес к судьбе офицера, освободившегося из плена. О его приключениях было известно даже иностранным путешественникам по Кавказу, которые отзывались о Торнау как о первом из европейцев, проникшем к удаленным кавказским племенам (Wagner 1856: 11–15). Творчество Торнау в этих условиях явно превращалось в тот жанр колониальных европейских описаний, который М.-Л. Пратт точно охарактеризовала как “литература выживших” (Pratt 1992: 20), вызывавшая повышенный интерес у читателей. Он побудил редакцию газеты “Кавказ” продолжить публикацию материалов Торнау, и в 1852 г. в печать поступил его “журнал плена”, изданный под заголовком “Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев” (Кавказ 1852). Позднее и сам Торнау, существенно допол-

нив “журнал плена”, издал на его основе мемуарное произведение (*Торнау* 1864), привлекающее читателя своей приключенческой формой до настоящего времени и ставшее предметом изучения для многих исследователей (*Дзидзария* 1976).

* * *

В целом анализ материалов этнографических описаний народов Кавказа показывает влияние общеевропейских ориенталистских штампов на составление авторами своего нарратива, даже если речь идет не о литературном творчестве, а о передаче сведений военной разведки. Как в литературном произведении Броневского, так и в аналитических отчетах Торнау можно четко проследить идеи о противопоставлении образованной военной администрации Кавказа “примитивным другим”, на основе которого строился тезис о собственной европейской идентичности, а также стремление приписать “диким” жителям предгорий порицаемые черты характера. Можно согласиться с мнением В.О. Бобровникова о том, что образ изобретенного ориенталистами Востока чем-то напоминает образ Кавказа, предстающий как из травелога Броневского, так и из аналитических справок Торнау (*Бобровников* 2007: 319).

Кроме того, оба автора, следуя общепринятой методологии описания Востока, считали, что только европейские исследователи – такие, как они сами – вправе говорить от имени описываемых ими людей. Образ Кавказа, созданный российскими писателями, путешественниками, военными разведчиками и офицерами, считался ими объективным и правильным, единственно достойным популяризации и трансляции в общественное сознание через печать. Ни у одного из авторов первой половины XIX в. не возникало даже мысли предоставить для этого слово коренным жителям региона. Более того, любую информацию от них военные авторы предлагали считать потенциально недостоверной, ссылаясь на “дикость”, “отсталость” и “необразованность” респондентов или их желание скрыть реальное положение дел от российского начальства. Данный подход очень напоминал то “кривое зеркало” колониальной науки, которое создавал европейский ориентализм по отношению к описаниям всего Востока.

Вместе с тем на примере творчества Броневского и Торнау видны различные грани ориенталистского дискурса на Кавказе. Ориентализм Броневского был нацелен на трансляцию образа “благородного дикаря” и приближался по своей форме к так называемому эстетическому ориентализму, описанному на примере английских путешественников по Востоку (*Nash* 2016). Торнау, писавший свои отчеты в одно время с Броневским, являясь военным, смотрящим на народы Кавказа как на противника, был далек от романтизации. Его ориентализм выступал скорее фоном для сообщения этнографических данных, и несмотря на использование расхожих образов колониальной риторики, стремление к передаче прагматических знаний само по себе несло позитивную направленность. В результате военные этнографы, такие как Торнау, делали очень точные наблюдения и эмпирическим путем приходили к блестящим догадкам, таким, как идея использовать родной язык горских народов в качестве основного критерия для их классификации. Подобно тому как работы западных ориенталистов заложили основу для развития антропологии, этнологии, археологии и лингвистики современного Востока (*Masani* 2022), работы российских военных исследователей готовили почву для появления современных научных практик для описания народов Кавказа.

Примечания

¹ См., напр.: *Gutmeyr* 2017; *Jersild* 2002; *Knight* 2000; *Tolz* 2005; *Схиммельпэннинк ван дер Ойе* 2019; *Джераси* 2013; *Резван* 2019; *Бобровников* 2016.

² В рамках данной статьи представляет особый интерес введение в научный оборот британским исследователем Годфри Нэшем понятий “эстетический” и “официальный” ориентализм. Под первым автор понимает нарратив путешественников, которых Восток привлекает своей красочностью и экзотичностью. Они предлагают читателям знакомиться с Востоком ради получения эстетического удовольствия от процесса познания неведомой культуры. “Официальный” ориентализм представлен в основном нарративом официальных лиц. Он нацелен исключительно на идеологическое обоснование продвижения имперских политических интересов европейской страны на Востоке (*Nash* 2016: 112–130).

³ Более подробно об этом см.: *Колосовская* 2020; *Ткаченко* 2023; *Урушадзе* 2015.

⁴ Под “хинтерлендом” европейская практика XIX – начала XX в. понимала условную территорию, прилегающую к известным европейцам границам (морскому побережью или приграничью колониальных владений) и тянущуюся вглубь континента на неопределенное расстояние. Детальное описание расчетов хинтерленда европейских владений в Западной Африке см. в: *Lugard* 1922, vol.1: 11–12.

Источники и материалы

Броневский 1834 – *Броневский В.Б.* Поездка на Кавказ Владимира Броневского.

СПб.: Типогр. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834.

ГИМ – Государственный исторический музей. Ф. 6. Оп. 1. Д. 63.

Дебу 1829 – *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб.: Типогр. Карла Крайя, 1829.

Кавказ 1850 – Кавказ. Газета политическая и литературная. 1850. № 94, 95, 96, 98.

Кавказ 1852 – Кавказ. Газета политическая и литературная. 1852. № 1, 2.

Краткая записка 1826 – Краткая записка о горских народах // Северный архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правопедения и нравов. СПб., 1826. Ч. 22. С. 21–32.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 68. Оп. 1. Д. 49.

Новицкий 1871 – *Новицкий Г.В.* Воспоминания воспитанника первого выпуска артиллерийского училища // Военный сборник. 1871. № 2. С. 290–308.

РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17.

РГВИА 2 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18510.

РГВИА 3 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 864. Оп. 16. Д. 18511.

РГВИА 4 – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 864. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1.

Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк Черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 55–173.

Торнау 1864 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. М.: Университетская типография, 1864.

Торнау 2002 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002.

Conolly 1838 – *Conolly A.* Journey to the North of India overland through Russia, Persia and Afghanistan. Vol. 1. L.: Richard Bentley Publ., 1838.

- Masani* 2022 – *Masani Z.* The Good Orientalists // Open Magazine. 26.09.2022. <https://openthemagazine.com/essay/the-good-orientalists>
- Wagner* 1856 – *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan with Sketches of the Cossacks and the Caucasus. Vol. 1. L.: Hurst and Blackett Publ., 1856.

Научная литература

- Бобровников В.О.* Ориентализм – не догма, а руководство к действию? О переводе и понимании книги Э. Саида в России // Ориентализм vs ориенталистика / Сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 53–77.
- Бобровников В.О.* Ориентализм на Северном Кавказе // Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 307–326.
- Бобровников В.О.* Миф о Кавказской войне и ориентализм на Российском Северном Кавказе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия / Под ред. С.В. Голунова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 133–143.
- Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Дзидзария Г.А. Ф.Ф.* Торнау и его кавказские материалы. М.: Наука, 1976.
- Колосовская Т.А.* “Изучая край с точки зрения военной”: российские офицеры и интеллектуальное освоение Северного Кавказа времен кавказской войны // Российская история. 2020. № 3. С. 156–163. <https://doi.org/10.31857/S086956870010151-7>
- Резван М.Е.* (ред.) Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции). СПб.: МФЭ РАН, 2019.
- Саид Э.* Ориентализм. М.: Музей современного искусства “Гараж”, 2021.
- Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОСПЭН, 2019.
- Ткаченко Д.С.* Фронтирный ориентализм в описаниях Д.А. Милютиным Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в. // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 4. С. 48–71. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514>
- Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* “Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...”. Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
- Урушадзе А.Т.* Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 116–122.
- Deary T.* The Barmy British Empire. N.Y.: Scholastic, 2002.
- Gutmeyr D.* Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility: The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. Münster: LIT, 2017.
- Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2002.
- King C.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Knight N.* Grigor’ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. № 59(1). P. 74–100. <https://doi.org/10.2307/2696905>
- Lugard F.T.* The Dual Mandate in Tropical Africa. L.: William Blackwood Publ., 1922.

- Nash G.* From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. L.; N.Y.: Tauris Publ., 2016.
- Pratt M.L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. L.: Routledge, 1992.
- Tolz V.* Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia // *The Historical Journal*. 2005. No. 48 (1). P. 127–150. <https://doi.org/10.1017/S0018246X04004248>

Research Article

Tkachenko, D.S. Orientalism in the Narratives of Russian Travelers and Intelligence Officers on Peoples of the North-West Caucasus in the Second Half of the 19th Century [Orientalizm v narrative rossiiskikh puteshestvennikov i voennykh razvedchikov o narodakh Severo-Zapadnogo Kavkaza vtoroi chetverti XIX v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 200–217. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050111> EDN: ARMXLE ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry S. Tkachenko | <http://orcid.org/0000-0002-0675-6111> | tkdmsg@rambler.ru | North Caucasus Federal University (1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russia)

Keywords

orientalism, narrative, Adygas, Abkhazians, Abazins, V.B. Bronevsky, F.F. Turnay, Caucasus War

Abstract

The article focuses on the influence that the orientalist stance of the early nineteenth-century explorers exerted on the way they selected ethnographic material for their descriptions of the peoples that inhabited the North-West Caucasus. Taking the cases of V.B. Bronevsky, a historian of the Don Cossacks who visited the Caucasus during one of his travels, and F.F. Tornau, a Caucasian Corps officer dispatched on an intelligence mission to the Black Sea littoral, I trace the development of two distinct branches of orientalism: “aesthetic” and “official”. These can demonstrate the shift from the romanticized artistic clichés about the Caucasus highlanders to the production of real ethnographic knowledge about the Circassians, Abazins, and Abkhazians. I argue that despite the persistence of clichés and images of pan-European Orientalism, the empirical collection of ethnographic material set the foundation for future scholarly concepts in the description of peoples, as well as their classification based on the ethnolinguistic criteria. The research draws both on published memoirs and on official reports kept in the Russian Military Historical Archive and the State Historical Museum.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23-28-00302]

References

- Bobrovnikov, V.O. 2003. Mif o Kavkazskoi voine i orientalizm na Rossiiskom Severnom Kavkaze [The Caucasus War and Orientalism Myth in the Russian North Caucasus]. In *Rossii i Vostok: problemy vzaimodeistviia* [Russia and the East: Issues in Relationships], edited by S.V. Golunova, 133–143. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.
- Bobrovnikov, V.O. 2007. Orientalizm na Severnom Kavkaze [Orientalism in the North Caucasus]. In *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [North Caucasus as Part of the Russian Empire], edited by A.I. Miller, 307–326. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bobrovnikov, V.O. 2016. Orientalizm – ne dogma, a rukovodstvo k deistviuu? O perevode i ponimanii knigi E. Saida v Rossii [Is Orientalism a Dogmas or an Instruction?]

- Notes on the Issue of the Said's Book Translation in Russia]. In *Orientalizm vs orientalistika* [Orientalism vs Oriental Studies], edited by V.O. Bobrovnikov and S.G. Miri, 53–77. Moscow: Sadra.
- Deary, T. 2002. *The Barmy British Empire*. New York: Scholastic.
- Dzidzariia, G.A. 1976. *F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy* [F.F. Turnau and His Caucasus Papers]. Moscow: Nauka.
- Geraci, R.P. 2013. *Okno na Vostok: imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii* [Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gutmeyr, D. 2017. *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility: The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878*. Münster: LIT.
- Jersild, A. 2002. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917*. Montreal: McGill–Queen's University Press.
- King, C. 2008. *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press.
- Knight, N. 2000. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? *Slavic Review* 59(1): 74–100. <https://doi.org/10.2307/2696905>
- Kolosovskaia, T.A. 2020. “Izuchaia kraj s tochki zreniia voennoi”: rossiiskie ofitsery i intellektual'noe osvoenie Severnogo Kavkaza vremen kavkazskoi voiny [“Studying the Region from the Military Point of View”: Russian Servicemen in the Intellectual Acquisition of the North Caucasus in the Caucasus War period]. *Rossiiskaia istoriia* 3: 156–163. <https://doi.org/10.31857/S086956870010151-7>
- Lugard, F.T. 1922. *The Dual Mandate in Tropical Africa*. London: William Blackwood Publ.
- Nash, G. 2016. *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926*. London and New York: Tauris Publ.
- Pratt, M.L. 1992. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Rezvan, M.E., ed. 2019. *Russkii orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektzii)* [Russian Orientalism (Science, Art, Collections)]. St. Petersburg: MFE RAN.
- Said E. 2021. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”.
- Schimmelpenninck van der Oye, D. 2019. *Russkii orientalizm. Aziiia v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Moscow: ROSPEN.
- Tkachenko, D.S. 2023. Frontirnyi orientalizm v opisaniakh D.A. Miliutinym Severnogo Kavkaza v 40-e gg. XIX v. [Frontier Orientalism in D.A. Milyutin's Descriptions of the North Caucasus in the 1840s]. *Journal of Frontier Studies* 4: 48–71. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514>
- Tkachenko, D.S., and T.A. Kolosovskaia. 2011. “My na Kavkaze voevali ne dlia togo, chtoby razbit' nepriiatelia i uiti...”. *Sotsiokul'turnaia deiatel'nost' Kavkazskoi armii (po vospominaniiam i issledovaniiam sovremennikov)* [“We Were Fighting in the Caucasus not to Defeat the Foe and Retreat”: The Social and Cultural Activity of the Caucasus Army in the Memoirs and Studies of the Contemporaries]. Stavropol: Izdatel'stvo SGU.
- Tolz, V. 2005. Orientalism, Nationalism and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia. *The Historical Journal* 48(1): 127–150. <https://doi.org/10.1017/S0018246X04004248>
- Urushadze, A.T. 2015. Svoi ili chuzhie? Gruziiia i gruziny glazami rossiiskikh ofitserov i chinovnikov (Pervaia polovina XIX v.) [Friend-or-Foe? Georgia and Georgians Through the Eyes of the Russian Army Officers and Administrators (First Half of the 19th Century)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3: 116–122.